

ТЕОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМ САМОСОЗНАНИЕМ И НАУЧНЫМ ПОЗНАНИЕМ

И.В. СЛЕДЗЕВСКИЙ

Современная цивилизационная теория развивается в русле неклассического научного знания, которое отвергает бинарные схемы цивилизационного сознания («цивилизация – варварство») и переосмысливает традиционное для европоцентристского сознания понимание цивилизации как реальности, не зависящей от исторического субъекта. В противовес этим представлениям уже давно сложились и оформились (в работах О. Шпенглера, А. Тойнби, М. Блока, Л. Февра) образцы восприятия и интерпретации цивилизации как познавательной исторической модели, познавательного конструкта. Подход к цивилизации как к конструкту раскрывает идентификационную роль цивилизационных представлений, связь их с метафизическими концепциями. В результате он релятивизирует аксиологическое основание цивилизационных представлений, включая и образы собственной истории и культуры.

Что касается эволюции цивилизационных теорий, то в развитии социально-философского знания можно обнаружить также парадигмальный сдвиг: смену привычной для теорий XIX в. научной идеологии объективизма парадигмой понимающей социологии, стремящейся объяснить саму объективность социальной реальности, увидеть в ней культурный продукт субъективных человеческих действий.

Для теоретической интерпретации понятия «цивилизация» и его использования в историческом и социальном познании, даже для понимания современного цивилизационного дискурса, эти новации имеют принципиальное значение. Отличительной чертой цивилизационных концепций как части дисциплинарного исторического знания становится проблематизация априорных (идентификационно-ценностных, метафизических) оснований цивилизационных представлений, отход от цельных (тотальных) образов своей и иных культур, стремление к диалогу с ними. Интенция диалога внедряется в сами познавательные образы и конструкты. Условием и результатом этого процесса является отказ от бинаристских, логоцентрических схем и категориальных систем, типичных для классического цивилизационного дискурса.

В то же время нельзя абсолютизировать познавательный поворот в развитии цивилизационных теорий, степень их отхода от позиции абсолютного наблюдателя. Это не прямолинейный и не

простой процесс смены одной модели знания другой. Разрушение классического идеала цивилизации, для которого познание Иного есть производное от самоидентификации, утверждения своей или чужой культуры в центре мировой истории, стало фактом реформы исторического знания исключительно в успешно модернизовавшихся и добившихся высокого уровня социальной стабильности западных обществах, готовых терпимо относиться к иным культурным стандартам жизни и даже наделять их равным ценностным статусом (правда, если это свое Иное, не представляющее угрозы благополучию большинства).

Иначе обстоит дело там, где развитие приобрело затяжной характер догоняющей модернизации, где оно сопровождается хроническим отчуждением от собственной истории и культуры как периферийной, отсталой, нецивилизованной (Латинская Америка, Африка). В тяжело модернизирующихся обществах цивилизация сохраняет в большей или меньшей степени изначальный метафизический смысл (связь с первопринципами истории и культуры), онтологизируется и, в конечном счете, превращается в символический образ, смысловое поле сближения с Западом или отторжения его ценностей. К таким обществам относится и Россия, болезненно переживающая опыт догоняющей модернизации. Этот опыт воспринимается и интерпретируется в логике жестких культурных инверсий, вынуждающих радикально переосмысливать собственную историю, идеалы прошлого и путь в будущее.

Эта ситуация самым прямым и ощутимым образом сказывается на состоянии и роли российской цивилизационной мысли. С одной стороны, она сохраняет связь с классическими образцами научного знания, долгое время бывшими каноном официального советского обществоведения. В соответствии с этими образцами, конструкт локальных цивилизаций воспринимается как очевидный, не требующий особого доказательства факт существования на Земном шаре замкнутых и совершенно отличных друг от друга форм человеческого бытия (культурных монад), жестко ограниченных во времени и пространстве. С другой стороны, для отечественной цивилизационной мысли типично отношение к истории и культуре родной страны как к референтному объекту: от идеализации православия как воплощения высших идеалов человечества до представлений о синкретизме как идеале российской культуры. Это характерно именно для идентификационного этапа познания, когда для наблюдателя — исследователя, философа, идеолога, превыше всего стоит задача самоутверждения и возвышения себя как абсолютного субъекта познания, носителя определенной культурной миссии, воспринимающего предметную реальность истории и культуры исключительно в качестве

объекта или пространства осуществления данной миссии. Это открывает широкий простор для сопоставления исторического опыта России с опытом других стран, но в то же время мешает отделять идентификационные образы Российской цивилизации от ее познавательных моделей.

Таким образом, современный этап формирования представлений о Российской цивилизации может быть определен как идентификационный. Об этом ясно говорит сохраняющаяся ориентация теории на воспроизводство бинарных образов Российской цивилизации и контекста их восприятия: Запад — Восток, либерализм — авторитаризм, модернизация — традиционализм, частно-локальное — всемирно-историческое и т.д. Об идентификационных мотивах теории свидетельствует и доминирование в ней цельных, недифференцированных образов и концептуальных конструктов, соединение их с разнообразными метафизическими концепциями, выстраивание базовых понятий и их фундаментальных трактовок на основе скорее априорных представлений об особенностях российской культуры, чем опыта эмпирических исследований и его критических интерпретаций. Как еще можно назвать представления о «вселенском назначении России», «противоположности России и Европы», «недостатке цивилизации в России», «периферийности Российской цивилизации» и т.д.?

Показателем преимущественно идентификационных устремлений российской цивилизационной мысли служит типичный для нее континуум образов Российской цивилизации. На одном его полюсе — идеализированные образы Запада (как центра мировой истории, образцового воплощения ценностей прогресса, модернизации, диалога, свободы личности), на другом — отрицание «западных» тенденций развития под знаком традиционно-имперского сознания, русского мессианизма и государственнической идеологии. И как результат этого раздвоения цивилизационной мысли — образ неизбывного культурного раскола российского исторического сознания. И, что характерно, несмотря на всю остроту идеологического противостояния либеральной и консервативной парадигм развития России, в центре и той, и другой все время оказывается образ сильного государства, отождествляемого с верховной властью, империей, державой. В результате возникает типично идентификационный образ России как сугубо государственнической цивилизации, которая не принимает модернизацию в качестве основы своего бытия, поскольку видит в ней угрозу своему существованию. Выстроенный в логике бинарных оппозиций (традиционализм против модернизации, культура против цивилизации) этот образ вытесняет на периферию исторического сознания поразительное культурное разнообразие

различных регионов и народов России, полную значимых нюансов и культурных переходов картину отношений России с Восточной и Западной Европой, уникальный опыт трансформации на российской культурной почве экономических и политических моделей модернизации. Логика исторического познания замещается полностью или отчасти логикой культурных инверсий, подменяющей научные разногласия по поводу интерпретации тех или иных фактов противостоянием априорных оценочных позиций.

Конечно, нельзя представлять российскую цивилизационную мысль в одном цвете. Сегодня она уже не определяется целиком классическим идеалом научного познания, и это очень важно с точки зрения налаживания диалога между разными ее направлениями и подходами. Сделаны важные шаги в направлении релятивизации присущих цивилизационному самосознанию жестких бинарных схем. Отход от них заметен в разработке актуальной для России проблемы культурно-цивилизационного синтеза и симбиоза, взаимодействия в мировом цивилизационном процессе осевых и доосевых культур (Я.Г. Шемякин, И.Г. Яковенко, Т.В. Гончарова), связанной с этим темы постоянного присутствия и периодической актуализации в цивилизационном процессе архаики и неоархаики (В.М. Хачатурян), в признании невозможности осмысления исторических судеб России в рамках «жестко-рациональных форм исторической интерпретации» (Е.Б. Рашковский), в критике идеи «классических цивилизаций» (В.Б. Земсков). Эти схемы преодолеваются и благодаря выявлению в российской истории значительного пласта «срединной культуры» (И.В. Кондаков, А.П. Давыдов). Критике узкосциентистского подхода к цивилизационной проблематике способствует развернутая картина истории и структуры цивилизационных представлений, выделение в них связанных между собой идентификационной, коммуникативной и когнитивной составляющих (И.Н. Ионов).

Тем не менее, развитие российского варианта цивилизационной теории продолжает определяться скорее потребностями и мотивами цивилизационного самоопределения России. Это проявляется в ее тематике: цивилизационный статус России, соотношение традиций и модернизации, раскол культурно-исторического сознания, власть и отношение к ней народа. Заметим, что в этом же проблемном поле отечественная цивилизационная теория развивалась и 20 лет назад (работы А.С. Ахиезера).

Новый прорыв в развитии этой теории может обеспечить построение диалогического образа России как цивилизации. В современных условиях это наиважнейший путь оптимизации внутреннего и внешнего образов нашей страны. В контексте гигантского роста масштабов и значения современных межкультурных

коммуникаций диалогический образ России значит не меньше, чем образы ее экономических успехов, политической стабильности и военной мощи.

У России есть мощный потенциал наращивания диалогической основы внутреннего и внешнего образа за счет репрезентации региональных и локальных традиций, межкультурного богатства традиций и образов мира, образцов диалогической культуры, явленных российской литературой и искусством XIX – XX вв. Диалогический образ России повысит значение и отечественной цивилизационной теории, укрепит ее позиции в мировой науке.

Аннотация

Статья посвящена состоянию и тенденциям развития современной российской цивилизационной мысли, соотношению в теории Российской цивилизации достоверного научного знания и нерелексируемых априорных, оценочных суждений и образов, отражающих самоидентификацию исследователя с различными, часто противоположными цивилизационными идеалами российской истории.

Ключевые слова:

цивилизационная теория, классическая и неклассическая модели научного знания, доминирующий (идентификационный) тип цивилизационных представлений в современной России, цивилизационные образы России.

Summary

The article is about the state and tendencies of the development of the modern Russian civilizational thought, correlation in the theory of Russian civilization of the reliable scientific knowledge and a priori, evaluative judgments and images that reflect a researcher's self-identification with different, often opposite civilisational ideals of Russian history.

Keywords:

civilization theory, classical and non-classical models of scientific knowledge, dominant (identification) type of civilization ideas in modern Russia, Russia's civilization images.